

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(47)17/18+316.343.32-055.2

DOI 10.26456/vthistory/2026.3.017

Женская память о повседневной жизни провинциальных дворянок в столичных институтах (1764–1850-е годы)¹

А.В. Белова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, Россия

Статья посвящена проблеме женской памяти о повседневной жизни в дворянских институтах во второй половине XVIII – середине XIX в. в контексте предметных областей антропологии закрытых сообществ и антропологии памяти. Основное внимание уделено соотношению вынужденного подчинения направленному формированию нормативной «женственности» и позднейшего осмысления пережитых эмоциональных опытов детства. Рассматриваются вопросы личностного нивелирования и игнорирования индивидуальных потребностей в авторепрезентациях институтской дворянской повседневности в женской семейной памяти. Выясняются возможности этнологического изучения воспоминаний и нарративов о повседневности детства в закрытых сословных учреждениях как пространствах нормативного социального дисциплинирования и замкнутых женских сообществ.

Ключевые слова: *антропология закрытых сообществ, антропология памяти, женская семейная память, женская автобиографическая память, женская история, дворянки, институтки, женская повседневность.*

Изучение женской памяти о повседневной жизни провинциальных дворянок в столичных институтах относится к предметным областям антропологии закрытых сообществ и антропологии памяти. В фокусе исследования – феномен институтского образования как внедомашнего детства девочек-дворянок, отличий его от семейного воспитания, более направленного формирования стереотипов «женского» поведения, идеалов нормативной «женственности» у представительниц дворянского сообщества в России во второй половине XVIII – середине XIX в. Вместе с тем предметом исследования станет память об эмоциональных переживаниях и опытах, сопряжённых с пребыванием в закрытых воспитательных учреждениях, соотношение внешних санкций и предписаний с внутренними установками и ценностными ориентациями.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РНФ «Женская семейная память в России XVIII–XXI вв.: формы передачи, динамика трансформаций, социальная миссия» (№ 24-18-00212).

Рационалистические и гуманистические принципы, положенные в основу системы российского женского образования, были заимствованы из педагогических воззрений Локка, Руссо, Гельвеция², а организация Смольного института напоминала французский *maison royale* в Сен-Сире³ (*la maison de Saint-Cyr*⁴), учреждённый в 1686 г. Франсуазой маркизой Ментенон, урождённой д'Обињи (1635–1719), второй, морганатической, женой Людовика XIV, для дочерей бедных дворян⁵. Тем не менее уже в конце XIX в. исследовательница истории женского образования в России Е.О. Лихачева считала ошибочным мнение о том, что «Воспитательное Общество благородных девиц» было «не более как копией Сен-Сира»⁶.

Выполнение женскими институтами особых культурных функций с известными оговорками осознавали уже мемуаристки, бывшие воспитанницы институтов. А.В. Стерлигова, урождённая Дубровина (1839 – не ранее 1878), восторженно замечала: «А сколько из них (институток. – *здесь и далее примечание наше, А.В.*) было достойных матерей, жен, дочерей! Сколько добрых семян рассеяли они в своих и чужих семьях! Сколько из них поддерживали благосостояние семьи, занимаясь образованием своих и чужих детей!»⁷ По словам А.Н. Энгельгардт, урождённой Макаровой (1838–1903), «институты играли такую важную роль в деле женского образования, что могут претендовать на историческое значение в русской жизни»⁸. Созвучно высказывалась и Е.Н. Водовозова, урождённая Цевловская (1844–1923): «Институт в прежнее время играл весьма важную роль в жизни нашего общества. Институтки в качестве воспитательниц и учительниц как своих, так и чужих детей очень долго имели огромное влияние на умственное и нравственное развитие целого ряда поколений»⁹. Однако еще более существенна культурно-моделирующая роль женских институтов в отношении самих будущих «воспитательниц и учительниц», направленная на формирование в дво-

² Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон: биографии: в 12 т. Репринт. изд. / отв. ред. В.М. Карев, М.Н. Хитров. М., 1992. Т. 2. С. 212; Водовозова Е.Н. На заре жизни // Институтки: воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / сост., подг. текста и коммент. В.М. Боковой и Л.Г. Сахаровой, вступ. статья А.Ф. Белоусова. М., 2001. С. 217.

³ Ржевская Г.И. Памятные записки // Институтки... С. 41; Глинка С. Кадетский корпус // Русский быт по воспоминаниям современников: XVIII век. Время Екатерины II: сб. отрывков из записок, воспоминаний и писем / сост.: П.Е. Мельгунова, К.В. Сивков, Н.П. Сидоров. М., 1923. Ч. II. Вып. 3. С. 92.

⁴ Сен-Симон. Мемуары: избр. отрывки / на фр. языке. Сост.: Л.Я. Гинзбург, Э.Л. Линецкая; автор предисл. Л.Я. Гинзбург; автор коммент. О.С. Заботкина. М., 1976. Т. I. С. 107.

⁵ Подробнее см.: Лихачева Е.О. Материалы для истории женского образования в России (1086–1856). СПб., 1899. Ч. 1. С. 83–92.

⁶ Там же. С. 133.

⁷ Стерлигова А.В. Воспоминания // Институтки... С. 93.

⁸ Энгельгардт А.Н. Очерки институтской жизни былого времени // Институтки... С. 131.

⁹ Водовозова Е.Н. Указ. соч. С. 217.

рянских девочках осознанного соответствия принятому стандарту «женственности». Как подчёркивала мемуаристка А.В. Стерлигова, «они (родители)... радовались, что дочери их получают образование, подобающее высшей касте, будут себя держать прилично в обществе, говорить на иностранных языках, танцевать и пр., а не для того, чтобы добывать себе кусок хлеба, как в настоящее время»¹⁰. Тем самым они выражали расхожее представление о том, что дворянки учились не для того, чтобы уметь зарабатывать себе на жизнь и самим себя обеспечивать.

Для уяснения культурной специфики женских институтов важно рассматривать их не только как собственно учебные заведения, реализовывавшие определенные идейные и идеологические установки и организованные соответствующим образом, но и как своеобразные «локусы повседневности» дворянских девочек/девушек, влиявшие на их психологию, мировоззрение и весь последующий образ жизни. В связи с этим исследователи выделяют институт как особый «тип русской женщины»¹¹ или «новый тип русской светской женщины»¹², маркируя их как образованных и вместе с тем плохо ориентировавшихся в реалиях повседневной жизни. Сами мемуаристки-выпускницы приписывали «славу о непрактичности институтского образования» «плеяде тупоумных патентованных дур», которые «ничего не делали, ничему не учились»¹³.

Согласно составленному Бецким и утверждённому Екатериной II 12 марта 1764 г. «Генеральному учреждению о воспитании обоего пола юношества», институтское образование основывалось на постоянном пребывании дворянских девочек/девушек в возрасте в среднем от шести до восемнадцати лет в специальном закрытом учебном заведении¹⁴. Реализуемую при этом цель можно сформулировать как смену парадигмы воспитания, провозглашенную формулой И.И. Бецкого о необходимости создания «новой породы или новых отцов и матерей»¹⁵. Своеобразным залогом успешного функционирования вводимой воспитательной модели должно было стать ограничение не только повседневных, но и эпизодических контактов юных дворянок с их родителями, которым отказывали в достойной подражания добродетельности. Интеллектуальное и нравственное развитие дворянских девочек должно было совершаться в отрыве от семей в духе известных добродетелей «века Просвещения». Проект женского институтского образования, как и многие другие из числа санкционированных Екатериной II, был

¹⁰ Стерлигова А.В. Указ. соч. С. 92.

¹¹ Михневич В.О. Русская женщина XVIII столетия: репринт. воспр. изд. 1895 г. М., 1990. С. 119.

¹² Белоусов А.Ф. Институтка // Школьный быт и фольклор: учеб. мат-л по русскому фольклору: в 2 ч. / сост. А.Ф. Белоусов; отв. ред. С.Н. Митюрев. Таллинн, 1992. Ч. 2: Девичья культура. С. 143.

¹³ Стерлигова А.В. Указ. соч. С. 93.

¹⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830 (далее – ПСЗ. 1). Т. XVI. № 12103. С. 670.

¹⁵ Там же. С. 669.

рассчитан, в первую очередь, на публичный резонанс и одобрение европейских «экспертов». Этой цели российская императрица – «поклонница Франции и последовательница философов»¹⁶ – достигла и, принимая похвалу от Вольтера, Гримма, Дидро¹⁷, несомненно, больше заботилась о собственной репутации «просвещенной» государыни, нежели о противоречии новой концепции сохранявшимся в дворянской среде традициям воспитания.

Институтские уставы обязывали родителей не забирать дочерей до окончания установленного срока обучения. В Смольном этот срок был сокращен с двенадцати до девяти¹⁸ лет лишь в самом конце XVIII в. в связи с переходом женских образовательных учреждений в ведение императрицы Марии Федоровны¹⁹. Посещения же родителями дочерей в стенах института допускались не часто, были строго регламентированы, происходили в определенные дни в присутствии начальницы или одной из классных дам²⁰. Провинциальные дворяне, жившие в удалении от столицы и зачастую стесненные в средствах, были не в состоянии часто навещать воспитывавшихся в институтах дочерей, что приводило к их многолетнему отрыву от семей. При помещении их как в Смольный, так и в Екатерининские институты родители и другие родственники принимали на себя обязательства «по собственному своему произволению»²¹ не забирать их оттуда «для каких бы то причин ни было»²² в течение всего срока получения ими образования. Бывшая выпускница «Екатерининского петербургского института»²³, мемуаристка А.В. Стерлигова, воспитывавшаяся в нем в 1850–1856 гг.²⁴, т. е. с одиннадцати до семнадцати лет, позднее писала: «В наше время домой не отпускали, разве только опасно больных, с разрешения Императрицы; поэтому все шесть лет мы проводили вместе, без перерыва...»²⁵. Тем самым юных дворянок стремились оградить от пагубного воздействия среды, связанного, по мнению мемуаристок, с «ужасами крепостничества», «пошлостью чиновничества»²⁶, «зловредными влияниями семьи»²⁷, «произволом помещиков», «развратом в

¹⁶ Tulard J., Fayard J.-F., Fierro A. Histoire et dictionnaire de la Revolution francaise 1789–1799. Paris, 1987. P. 628.

¹⁷ Мухомов В.О. Указ. соч. С. 105.

¹⁸ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. 1233. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

¹⁹ См.: Демков М.И. Очерки по истории русской педагогики. М., 1909. С. 60–61; Белоусов А.Ф. Указ. соч. С. 120; Озерская Ф.С. Женское образование // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: XVIII – первая половина XIX в. / отв. ред. М.Ф. Шабая. М., 1973. Раздел 3. Гл. XIV. С. 258.

²⁰ Семенов-Тянь-Шанский П.П. Детство и юность // Русские мемуары. Избранные страницы. (1826–1856) / сост., вступ. ст., биогр. очерки и примеч. И.И. Подольской. М., 1990. С. 447–448; Стерлигова А.В. Указ. соч. С. 96, 100–101.

²¹ ПСЗ. 1. Т. XVI. № 12154. С. 743.

²² ГАТО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 33. Л. 4.

²³ Стерлигова А.В. Указ. соч. С. 79.

²⁴ См.: Там же. С. 69, 92.

²⁵ Там же. С. 92.

²⁶ Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 211.

²⁷ Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 212.

помещичьих домах», в которых «содержались целые гаремы крепостных девок, когда пиры сопровождались невообразимым разгулом, пьянством, драками, грубою бранью, когда из конюшен раздавались отчаянные крики засекаемых крестьян. Разлучая дочерей с подобными родителями, институт спасал их от нравственной гибели»²⁸.

Юные воспитанницы институтов обычно тяжело переносили смену привычной домашней обстановки, а главное, разлуку с родителями, родственниками и знакомыми: «Я... плакала неутешно, вспоминая своих и свой родной дом»²⁹; «Когда после ужина мы пришли в дортуар... оцепенение, в котором я находилась целый день, уступило место страшной, жгучей боли. Я принялась рыдать и рыдала долго, неутешно. Так закончился первый день моего пребывания в институте»³⁰. Однако на некоторых девочек, как, например, на родственницу дворянки Новоторжского уезда Тверской губернии Прасковьи Ниловны Аболешиевой, Лилю, царившая в институте атмосфера производила благоприятное впечатление, побуждая в письмах к родным одобрительно отзываться о своей институтской жизни и о новом окружении, в котором предстояло вращаться в течение последующих лет: «...получила и от нее (Лили) очень коротенькое письмо. Пишет что она всем и всеми в Институте довольна, воспитанницы с которыми она во 2^м отделении теперь будет есть очень милые дамы класные и учителя хорошие»³¹. Хотя в данном случае возможно и другое объяснение. Принятая в России практика перлюстрации писем воспроизводилась на локальном уровне женских институтов. Как вспоминала А.В. Стерлигова, «нераспечатанное письмо никогда не отдавалось воспитаннице»³². Разумеется, письма, написанные институтками, также просматривались класной дамой, а иногда она прямо говорила, что именно следует написать родственникам. Только в записочках, передаваемых с посетителями, девочки могли более или менее откровенно выражать свои настроения и впечатления. Екатерина Самарина наставляла в письме от 20 августа 1825 г. свою дочь-институтку «друга Вариньку»: «... теперь с папинькай загатов писмы к сестрам пабольше, и Милая Саша верно будет писать к кузинам...»³³.

Особенно усилилась внутренняя цензура в институтах в середине XIX в. в связи с происходившими в стране политическими событиями и ужесточением идеологических запретов. Так, во время Крымской войны 1853–1856 гг. воспитанницы вынуждены были довольствоваться («ведь у каждой из нас болело сердце за близких родных или знакомых»³⁴)

²⁸ Водовозова Е.Н. Указ. соч. С. 314.

²⁹ Стерлигова А.В. Указ. соч. С. 83.

³⁰ Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 141.

³¹ ГАТО. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 23. Л. 1.

³² Стерлигова А.В. Указ. соч. С. 120.

³³ Российский государственный архив древних актов. Ф. 1277. Оп. 2. Д. 14. Л. 2.

³⁴ Стерлигова А.В. Указ. соч. С. 116.

«слухами»³⁵ вместо получения достоверной информации через переписку. По словам А.В. Стерлиговой, «письма, посылаемые оттуда (с войны), не отдавались нам и большей частью пропадали, что я испытала на себе»³⁶. Однако в предшествующий период, до 1828 г., пока женские образовательные учреждения состояли в ведении не IV отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, а императрицы Марии Федоровны, она не только не чинила препятствий переписке девочек с родственниками, участвовавшими в военных действиях, но и лично содействовала надежной доставке писем. Её фрейлина, мемуаристка М.С. Муханова (1802–1882), замечала: «Когда настала вторая Турецкая война (русско-турецкая война 1828–1829 гг.), она (Вдовствующая Императрица Мария Федоровна) приезжала в институт, в Смольный монастырь и собирала там письма воспитанниц, чтобы с курьером вернее доставлять к их родным»³⁷. Письма оставались, по существу, единственной связующей нитью девочек с домом, с родителями, по которым многие сильно тосковали и зачастую только в эпистолярном общении могли поделиться этими переживаниями. Что касается большинства девочек, именно продолжительное пребывание вдали от семьи заставляло их особенно остро ощущать свои «корни», учило по-настоящему ценить и любить близких. Как выразилась А.Н. Энгельгардт, «семью любили, очень любили; она была чем-то священным, чего не касалась ничья критика, и в этом отношении институтки, беспощадные во всех других случаях друг к другу, выказывали замечательную, необыкновенную, изящную деликатность»³⁸.

Не всегда воспитанницы закрытых учебных заведений компенсировали недостаток семейного тепла и родственного общения добрым обращением друг с другом. Судя по воспоминаниям институток, взаимоотношения между девочками разного возраста и социального происхождения определялись оппозицией «дразнить»³⁹ – «обожать»⁴⁰. А.Н. Энгельгардт, называя «пресловутое обожание» «в высшей степени глупым, хотя, в сущности, весьма невинным обычаем»⁴¹, настойчиво отрицала в нём что-либо «двусмысленное и порочное»⁴².

Тем не менее мемуаристки указывали на позитивное отличие от мужских корпусов, школ и училищ в обращении с «новопринятыми» в женских институтах: «В противность мужским учебным заведениям, где принято *новичков* обижать, бить и чинить над ними всякие каверзы, в

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 120.

³⁷ Муханова М.С. Из записок Марии Сергеевны Мухановой // Русский архив. 1878. Кн. 1. Вып. 3. С. 299–329. С. 306.

³⁸ Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 209.

³⁹ Водовозова Е.Н. Указ. соч. С. 311.

⁴⁰ Там же. С. 256–257.

⁴¹ Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 163.

⁴² Там же. С. 165.

институте с *новенькими* обращались вежливо, говорили им "вы" и оберегали от неприятностей. Сами воспитанницы наблюдали за этим, и беда, если какая-нибудь девочка осмеливалась обидеть *словом* новенькую (*voies de fait* (побоев) не существовало вовсе ни для новеньких, ни для стареньких; всякая ручная расправа была противна институтским понятиям, институтскому духу и навлекла бы на виновную такую бурю и такую гонку со стороны товарищества, что самые строптивые вели себя безукоризненно в этом отношении), то все остальные налетали на нее разом и осаживали словами: "Как вам не стыдно, разве вы забыли, что она новенькая!"» (курсив – А.Н. Энгельгардт)⁴³. Свидетельство П.П. Семенова-Тян-Шанского, воспитанника «школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров»⁴⁴, подтверждает и конкретизирует замечание А.Н. Энгельгардт относительно «неуставных» взаимоотношений в мужских учебных заведениях в России середины XIX в.: «доходившее до бесчеловечности приставание к новичкам»⁴⁵. Различное обращение с «новенькими» в женских и с «новичками» в мужских закрытых учебных заведениях указывает на особые механизмы адаптации в сообщества дворянских девочек и мальчиков. В первом случае речь шла о горизонтальной опеке, адаптации на основе уподобления, предполагавшей сделать «новенькую» «своей», введя её «в курс дела». При этом преимущественная позиция «стареньких» проявлялась в символическом престиже обладания знанием «внутренних законов» и в возможности через назидание ощутить и продемонстрировать свое более высокое положение в замкнутом сообществе, осознавая себя стоящими «над» кем-то, чей статус ввиду некомпетентности воспринимался как более низкий. Во втором случае имела место вертикальная иерархия, адаптация на основе противопоставления, вследствие которой «своим» становился тот, кто сумел «завоевать» себе право считаться членом «мужского» сообщества. Завоевание же этого права было сопряжено с преодолением посредством силового противодействия статуса не «обучаемого», а открыто «депривированного». При этом доказательством состоятельности «неофита» служили проявленные им дерзость и нежелание мириться со своей маргинальной позицией, физическое превосходство над «неновичками» или, по крайней мере, равенство сил с ними.

Между обучавшимися дворянками-сверстницами могли с самого начала устанавливаться вполне доброжелательные и даже дружеские отношения⁴⁶. Своеобразной проверкой этих отношений становились наиболее критические и трагические моменты в жизни юных воспитанниц⁴⁷. В отдельных случаях дружба между институтками сохранялась и после

⁴³ Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 141.

⁴⁴ Семенов-Тян-Шанский П.П. Указ. соч. С. 459.

⁴⁵ Там же. С. 463–464.

⁴⁶ Семенов-Тян-Шанский П.П. Указ. соч. С. 442.

⁴⁷ ГАТО. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 45. Л. 81 об.

окончания учебного заведения и даже переносилась на членов семьи⁴⁸. Значение дружеских отношений, завязывавшихся в стенах института, было настолько велико, что они поддерживались по прошествии многих лет, даже десятилетий, после выпуска⁴⁹. Некоторые выпускницы продолжали переписываться, несмотря на разделявшее их расстояние, жизненные обстоятельства, различия в последующем образе жизни⁵⁰, упоминали о посещавших их воспоминаниях о тех, с кем они дружили в институте⁵¹. Мемуаристка А.В. Стерлигова обращала внимание на особое чувство социальной взаимопомощи и поддержки, развитое у бывших воспитанниц закрытых заведений, некоторые из которых, ввиду своего статуса, могли оказывать неформальное влияние и содействие в решении жизненно важных вопросов менее «удачливым» соученицам⁵². Образ самого института был окружен в памяти его бывших воспитанниц своеобразным романтическим ореолом. А.В. Кафтыревой по прошествии почти 20 лет со времени выхода её из «Воспитательного Общества благородных девиц», или, иначе, Смольного монастыря, была присуща, по словам Софьи Капцевичевой, «любовь ко всему монастырскому»⁵³.

Институтская повседневность регулировалась не только светскими, но и религиозными устоями. «Смольнянка» (термин А.В. Стерлиговой)⁵⁴ Е.Н. Водовозова подтверждала: «Наше воспитание отличалось строго религиозным характером»⁵⁵. Особое внимание уделялось исполнению воспитанницами ежедневного молитвенного правила – утренней молитвы до начала занятий и вечерней перед отходом ко сну⁵⁶. Продолжительность сна зависела от возраста девочек/девушек и составляла для первого класса 9 часов, для второго – 8, для третьего – 7½, для четвертого – 6½⁵⁷. Вне зависимости от возраста все воспитанницы должны были подниматься утром в одно и то же время⁵⁸, причём достаточно рано – в 6 часов⁵⁹. Как и ранние подъемы

⁴⁸ Ржевская Г.И. Указ. соч. С. 42.

⁴⁹ ГАТО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 2. Л. 67 об.

⁵⁰ Там же. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1389. Л. 1–14 об.

⁵¹ Там же. Л. 9 об.

⁵² Стерлигова А.В. Указ. соч. С. 126.

⁵³ ГАТО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 2. Л. 94.

⁵⁴ Стерлигова А.В. Указ. соч. С. 114.

⁵⁵ Водовозова Е.Н. Указ. соч. С. 302.

⁵⁶ Ржевская Г.И. Указ. соч. С. 38; Стерлигова А.В. Указ. соч. С. 85–86; Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 143–144; Водовозова Е.Н. Указ. соч. С. 227, 243, 245.

⁵⁷ ПСЗ. 1. Т. XVI. № 12154. С. 754.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Воспоминания воспитанницы XVIII выпуска Софии Червиной, по замужеству Родзянко, от декабря 1847 до февраля 1853 г. СПб., 1898. С. 5; Стерлигова А.В. Указ. соч. С. 83; Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 142; Водовозова Е.Н. Указ. соч. С. 242–243; Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре... С. 82.

девочек, воспитывавшихся дома и занимавшихся с гувернантками, институтские «пробуждения» также воспринимались неизменно негативно и оставались едва ли не самым неприятным детским впечатлением⁶⁰.

Мемуаристки, воспитанницы петербургского (А.В. Стерлигова) и московского (А.Н. Энгельгардт) Екатерининского и Смольного (Е.Н. Водовозова) институтов, в унисон сокрушались о невозможности привыкнуть к дисциплинирующе-репрессивному воздействию «раннего вставания». Однако, несмотря на негативное отношение и нервирующее влияние на психику, такое начало дня со временем непроизвольно входило в привычку девочек, повседневная жизнь которых с детства подчинялась устойчивому, «жесткому» распорядку («И так неизменно, изо дня в день, как заведенные часы»⁶¹). Впоследствии эта привычка оказывалась востребованной во взрослом возрасте, особенно при ведении хозяйства⁶².

За время пребывания в Смольном и Екатерининском институтах дворянские девочки / девушки приучались совершать как частную, так и общественную молитву, посещая храм в воскресные и праздничные дни⁶³. Госпожи надзирательницы и учительницы строго следили за тем, чтобы они соблюдали правила благочестивого поведения в храме, не разговаривали, «стояли бы со страхом и с должным благочинием»⁶⁴. Институтские уставы предписывали наставницам проявлять в этом случае ещё большую твёрдость к своим подопечным, чем вне стен церкви, где девочки подвергались «выговорам и замечаниям», по словам А.В. Стерлиговой, «иногда за такие пустяки, о которых не стоило и говорить»⁶⁵.

Воспитание в женских институтах предполагало повседневный контроль над поведением девочек, санкционировало одобрение или порицание каждого конкретного поступка с их стороны. Как и в большинстве закрытых обществ и сообществ, регулирование поведения в них осуществлялось по типу, названному одной из виднейших представительниц американской культурной антропологии Рут Фултон Бенедикт (*Ruth F. Benedict*, 1887–1948) *shame-culture*, или «культурой стыда»⁶⁶. Нарушительница подвергалась публичному осуждению и должна была испытывать стыд, будучи наказанной в назидание другим воспитанницам, свидетельницам её «недостойного» поведения⁶⁷. В этом смысле домашнее воспитание было более «мягким», за исключением стратегий, использовавшихся гувернантками и

⁶⁰ Стерлигова А.В. Указ. соч. С. 83; Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 142; Водовозова Е.Н. Указ. соч. С. 242–243.

⁶¹ Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 144.

⁶² ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1389. Л. 10 об.–6.

⁶³ ПСЗ. 1. Т. XVI. № 12154. С. 750; Стерлигова А.В. Указ. соч. С. 96, 99; Водовозова Е.Н. Указ. соч. С. 303.

⁶⁴ ПСЗ. 1. Т. XVI. № 12154. С. 750.

⁶⁵ Стерлигова А.В. Указ. соч. С. 114.

⁶⁶ Бенедикт Р. Хризантема и меч: модели японской культуры / пер. с англ. М., 2004.

⁶⁷ Стерлигова А.В. Указ. соч. С. 115.

направленных также на публичное «пристыжение» подопечной⁶⁸. Аналогичные меры педагогического воздействия на девочек практиковались и в институтах⁶⁹.

Такие воспитательные стратегии и формы контроля за поведением институток были направлены на их личностное нивелирование и принудительную социализацию, которые, в свою очередь, обеспечивали управляемость сообщества, более лёгкое манипулирование им. По поводу этого Е.Н. Водовозова писала: «Муштровка и дисциплина приводили воспитанниц к одному знаменателю, стирали индивидуальность, делали институток похожими друг на друга не только манерами, но, за небольшими исключениями, даже характерами и вкусами, вырабатывали из них созданий, «к добру и злу постыдно равнодушных», лишенных воли, энергии, и прежде всего какой бы то ни было инициативы. Начальство *сознательно стремилось обезличивать* их, – с такими ему *легче было справляться...* (курсив мой. – А.Б.)»⁷⁰. О «нравственной и умственной муштровке, которой подвергалась личность как со стороны начальства, так и со стороны самого товарищества» писала и А.Н. Энгельгардт⁷¹. «Стирание индивидуальности» и «стремление обезличить» дворянских девочек приводило к тому, что они начинали ощущать себя не то что не личностями, но «каким-то несчастным, ничтожным созданием, каким-то червяком»⁷², «манекеном... слабым, беспомощным, бесполезным, беззащитным существом»⁷³. «Чувство нравственной беспомощности, – по словам А.Н. Энгельгардт, – бессознательно овладевало каждым ребёнком» и делало его конформным институтскому режиму, психологической основой поддержания которого был страх, облекавшийся порой в мистическую форму⁷⁴. Возникает вопрос: какие же позитивные уроки могли вынести из ранних опытов подчиненного детства институтки-дворянки? Маленькие девочки без всякой психологической поддержки близких им взрослых должны были сами учиться отстаивать себя, что удавалось, как показала А.Н. Энгельгардт, далеко не всем: «Многие платились болезнью за переживаемое потрясение; иные портились нравственно и превращались в гнусных, подленьких, заискивающих существ»⁷⁵. Те воспитанницы, которые справлялись с задачей сохранения собственной личности⁷⁶ в условиях многолетнего прессинга институтской повседневности, очевидно, обретали опыт рефлексивного и критического отношения к себе и к действительности.

⁶⁸ Ковалевская С.В. Воспоминания детства // Ковалевская С.В. Воспоминания. Повести / отв. ред. П.Я. Кочина. М., 1974. С. 29.

⁶⁹ Водовозова Е.Н. Указ. соч. С. 227.

⁷⁰ Там же. С. 313.

⁷¹ Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 135.

⁷² Там же.

⁷³ Водовозова Е.Н. Указ. соч. С. 310.

⁷⁴ Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 134–135.

⁷⁵ Там же. С. 135.

⁷⁶ Там же. С. 212.

Помимо совершения молитв и посещения храма, религиозное воспитание юных дворянок включало в себя соблюдение постов⁷⁷, хотя в «Уставе» Смольного на этот счёт не было никаких предписаний. Мемуаристка Е.Н. Водовозова отмечала пагубное влияние «недостаточности пищи и изнурительности постов» на детское здоровье, в результате чего «в Великом посту однажды, – по её словам, – более половины институток было отправлено в лазарет»⁷⁸. Для части дворянских девочек усвоенные в институте уроки благочестия, включая и основы христианского вероучения в доступной детскому пониманию форме, и образцы поведения, становились начальным этапом на пути последующего духовного совершенствования. Е.Н. Водовозова утверждала: «Религиозное воспитание, получаемое нами, состояло как в теоретическом изучении обширного курса Закона Божия, так и в практическом применении к жизни предписаний православной религии, из которых на первом месте стояли строгое соблюдение постов и чрезвычайно частое посещение церкви»⁷⁹. Однако формализм и игнорирование возрастных и психологических особенностей девочек зачастую приводили к результатам, противоположным ожидаемым: от выстаивания долгих церковных служб воспитанницы падали в обморок, симулировали болезни или «дурноту», «чтобы избавиться от посещения церкви», «устанавливали очередь» на пропуск богослужений⁸⁰. Следствием этого становилась своего рода профанация конфессионального воспитания, что, по словам мемуаристки, «содействовало только нравственной порче и полному индифферентизму к религии». Религиозность утрачивали «даже те, которые с таким благоговением и трепетом приступали к причастию в первый год своей институтской жизни, перед последним причатием уже грызли шоколад, нередко делая это демонстративно и громко высмеивая религиозные обряды»⁸¹.

Тем не менее для некоторых девочек (пусть и малой их части, по наблюдению Е.Н. Водовозовой) получение элементов духовного воспитания в стенах Смольного всё-таки способствовало укоренению в них религиозной настроенности, сохранявшейся в течение последующей взрослой жизни. Письма бывших смолянок (например, М.Л. Манзей, А.В. Кафтыревой, М.А. Волковой) отражают вполне уважительное отношение к религии, православное мироощущение их авторов и определявший этим мироощущением образ жизни, реалиями которого наряду со светской обыденностью были частые посещения храмов и монастырей, причащения, дела милосердия и др.

⁷⁷ ГАТО. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 45. Л. 8; *Стерлигова А.В.* Указ. соч. С. 101; *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. С. 246, 302.

⁷⁸ *Водовозова Е.Н.* Указ. соч. С. 246.

⁷⁹ Там же. С. 302.

⁸⁰ Там же. С. 303.

⁸¹ Там же.

Как замечала А.Н. Энгельгардт, «многие воспитанницы страдали от голода»⁸² по причине недостаточности и малой калорийности рациона, не покрывавшего потребностей растущего детского организма⁸³. «Подспорьем» голодавших институток становились черный хлеб и квас, однако их употребляли не все. А.В. Стерлигова считала «черный хлеб» не только не «дворянской» пищей, но одним из видов наказаний прислуги. Неприятие данной пищи было связано как с отсутствием физиологической привычки к ее употреблению, так и с ценностным отторжением ввиду ее уничижительности для дворянок. Вынуждая девочек заглушать голод неподобающими «квасом да черным хлебом» и тем самым преодолевать внутренние барьеры, институтское начальство заставляло их сознавать свою зависимость, внушало чувство вины. Позднее А.Н. Энгельгардт вспоминала в письме к дочери, что «по целым годам никогда не была сыта» и что «от недостатка питания» у нее «было самое хилое, самое чахлое детство»⁸⁴. Дворянка передавала свои детские ощущения: «... мне казалось, что быть вполне сытой достаточно для счастья человека»⁸⁵.

Не только недостаточное питание и несбалансированный рацион причиняли ущерб здоровью институток, но и освоение некоторых дисциплин. Навыки шитья оценивались мемуаристкой Е.Н. Водовозовой не менее пессимистически, чем «обучение кулинарному искусству»⁸⁶: «Что же касается рукоделия, то громадное большинство кончало курс, выучившись одному или двум швам»⁸⁷. При этом «от продолжительного сидения в согнутом положении при вышивании по канве», по наблюдению лейб-медика Маркуса, среди институток встречалось «немало случаев искривления позвоночного столба»⁸⁸. Акцент делался на «естественное предназначение» – самым старшим воспитанницам надлежало участвовать в обучении «первых классов девиц», поскольку считалось, что они «от сей практики навыкнут заблаговременно, как им будучи матерями обучать детей своих, и в собственном своем воспитании найдут себе великое вспоможение, в каком бы состоянии им жить ни случилось»⁸⁹.

Институткам внушали жесткие этические требования, формировавшие и внешние запреты, и внутренние ограничения, которые должны были удерживать их от любых чувственных порывов. Е.Н. Водовозова сохранила в памяти предостережение-угрозу дяди в свой адрес, когда её старшего брата, навестившего её в Смольном, классная дама ошибочно приняла за постороннего офицера, друга младшего брата, которого, в отличие от первого, она знала в лицо: «Но если в твою голову когда-нибудь заползет

⁸² Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 148.

⁸³ Там же. С. 148–149.

⁸⁴ См.: Бокова В.М., Сахарова Л.Г. Комментарии // Институтки... С. 531.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Водовозова Е.Н. Указ. соч. С. 304.

⁸⁷ Там же. С. 306.

⁸⁸ Там же. С. 314.

⁸⁹ ПСЗ. 1. Т. XVI. № 12154. С. 751.

дикое и пошлое желание на самом деле поцеловать чужого мужчину, в чем тебя заподозрила mademoiselle Тюфяева, потому что у тебя чертики бегают в глазах... берегись! Тогда... тебя не придется и исключать из института... О нет, я этого не допущу! Понимаешь ли ты... я этого никогда не допущу! (При этом он страшно расширил глаза.) Я в ту же минуту явлюсь сюда и своими руками... своими собственными руками оторву тебе голову... задушу... убью!»⁹⁰ Поскольку общественные ожидания от воспитания девушек сводились к тому, «чтобы блюсти за... нравственностью!»⁹¹, все, что касалось сексуальной сферы жизни, табуировалось, и, следовательно, даже помышление о возможном нарушении этих запретов порождало у них подспудное чувство вины, не говоря уже о получении информации и опыта.

Особенно гипертрофированные представления о стыде и чести были присущи институткам как членам замкнутого девического сообщества, имевшего свои особые идеалы и ценности («секреты!»)⁹², по выражению институтского доктора) и вместе с тем бдительно следившего за соблюдением нормативных социальных ограничений. Е.Н. Водовозова описала произошедший с ней инцидент падения с лестницы, вследствие чего у нее «шея и грудь... распухли и покрылись кровоподтеками», и она испытывала «мучительную боль в груди»⁹³. Тем не менее её институтские «подруги» считали зазорным не только для нее, но и для всего «девичьего сообщества» обращение за медицинской помощью: «... они потолковали между собой по этому поводу и единогласно пришли к мысли, что при таком положении для меня невыносимо идти в лазарет: перед доктором придется обнажить грудь, и этим я не только опозорю себя, но и весь выпускной класс. Это обстоятельство, рассуждали они, должно заставить каждую порядочную девушку вынести всевозможные мучения скорее, чем идти в лазарет. То одна, то другая задавала мне вопрос: неужели у меня не хватит твердости характера вынести боль? Я, конечно, вполне разделяла мнение и взгляды моих подруг на вопросы чести, но не могла им отвечать как от головокружения, так и от смертельной обиды на них за то, что они могут сомневаться во мне по такому элементарному вопросу, как честь девушки»⁹⁴. Несмотря на то, что ей «становилось все хуже», подругам в течение трех дней удавалось «скрывать» болезнь, о которой стало известно «дежурной даме», заподозрившей неладное, только после того, как девушка у нее на глазах «упала без чувств»⁹⁵. Помещенной в лазарет и пролежавшей одиннадцать дней без сознания Водовозовой в конце концов была «сделана операция», за которой последовал длительный период лечения. Тяжелое физическое состояние повлекло за собой временную девальвацию, в представлении девушки, социальных предписаний, тяготевших над ней при удовлетворительном самочувствии: «Прошло уже около двух месяцев, как

⁹⁰ Водовозова Е.Н. Указ. соч. С. 293.

⁹¹ Там же. С. 293.

⁹² Там же. С. 299.

⁹³ Там же. С. 297.

⁹⁴ Там же. С. 297.

⁹⁵ Там же. С. 298–299.

меня принесли в лазарет, а я была так слаба, что не могла сидеть и в постели. Тупое равнодушие овладело мною в такой степени, что мне не приходила даже в голову мысль о том позоре, которому я, по институтским понятиям, подвергала себя при ежедневных перевязках, когда доктора обнажали мою грудь; не терзалась я и беспокойством о том, как должны были краснеть за меня подруги. Кстати замечу, что, по тогдашнему способу лечения, мою рану не заживляли более двух месяцев, и я носила фонтанель»⁹⁶. Фонтанель (от франц. *fontanelle* – родничок, маленький источник) означал «искусственно вызванное нагноение; глубокий надрез на коже, куда закладывали горошину, кусок марли и т. п.» Считалось, что, «мобилизуя защитные средства организма, подобный метод «способствовал быстрому выздоровлению»⁹⁷. Данная процедура из области репрессивной медицины опасна и неэффективна. Помимо того, что искусственная рана могла стать источником бактериальных инфекций и сепсиса, высокого риска для жизни, она вызывала сильные болевые ощущения, которые девушка должна была переносить.

Однако как только она «почувствовала себя несколько бодрее»⁹⁸, сразу стала протестовать против дальнейших процедур, так что медикам пришлось делать «перевязку и очищение раны», удерживая её за руки⁹⁹. Интересно, что оперировавший и лечивший её профессор считал «немыслимым» добровольное решение девушки, не обратившейся своевременно за медицинской помощью, «выносить такие страдания!» и называл мотивы, его побудившие, «пошлой конфузливостью», которая могла стоить ей жизни¹⁰⁰. Это означает, что усугублением социальных предписаний институтки были обязаны собственно этосу «девичьего сообщества», т. е. негласным внутренним правилам. Неудивительно, что некоторым уже взрослым дворянкам, не только не выходявшим замуж, но и замужним, не удавалось преодолеть ложной стыдливости, или прюдкости (от фр. *prude* – притворно добродетельный, преувеличенно стыдливый, недоступный), как тогда говорили. Вместе с тем мемуаристкам конца XIX в. подобная ложная стыдливость казалась странным анахронизмом («закрывала даже шею платочком от нескромного взгляда», доктора «заставили смотреть в дырочку на простыне, которая была повешена через комнату, на больную ногу, тщательно закрытую платками, кроме того места, где была рана»)¹⁰¹.

Замена привычной домашней обстановки новой атмосферой казённого заведения, узкого круга родных и близких – более обширным коллективом чужих и незнакомых людей, жизни в относительно «маленьком» усадебном

⁹⁶ Водовозова Е.Н. Указ. соч. С. 299.

⁹⁷ См.: Бокова В.М., Сахарова Л.Г. Указ. соч. С. 542.

⁹⁸ Водовозова Е.Н. Указ. соч. С. 299.

⁹⁹ Там же. С. 300.

¹⁰⁰ Там же. С. 299.

¹⁰¹ Керн А.П. Из воспоминаний о моем детстве // Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Воспоминания о Пушкине / сост., вступ. ст. и примеч. А.М. Гордина. М., 1987. С. 348–349.

доме – пребыванием в «большом» здании института, собственной (либо разделяемой с сестрами и братьями) «детской» комнаты – местом в дортуаре, спальном помещении, общем со многими другими (посторонними) воспитанницами, символизировала в восприятии девочек из провинциальной дворянской среды условный переход из «своего» (близкого, родного, знакомого, малого) пространства в «чужое» (дальнее, постороннее, незнакомое, большое). Расторжение связи с привычным «маленьким» миром приводило к утрате ими чувства психологической защищенности, делало их эмоционально уязвимыми. При этом на них обрушивался мощный прессинг внешних предписаний и санкций со стороны институтских наставниц, что оказывало ещё большее травмирующее воздействие. В то же время это был благоприятный эмоциональный фон для внушения нормативных представлений о подобающем и неподобающем дворянкам поведении, образе мыслей, чувствований и самоощущении. В сознание подверженных страху и инстинкту самосохранения девочек внедрялись установки пассивности, зависимости, конформизма. Бывшая институтка Е.Н. Водовозова вспоминала об этом так: «К молчанию и безусловному повиновению институток приучали весьма систематично. Впрочем, на женщину в то время вообще смотрели как на существо, вполне подчиненное и подвластное родителям или мужу, – институт стремился подготовить её к выполнению этого назначения, но чаще всего достигали совершенно противоположных результатов... Как ни была жива и шаловлива девочка при поступлении в институт, суровая дисциплина и вечная муштровка, которым она подвергалась, а также полное отсутствие сердечного участия и ласки быстро изменяли характер ребенка»¹⁰².

Определение в институты дворянских девочек, живших до этого в имениях с родителями, означало психологическую грань, преодолеть которую они пытались путём своеобразной имитации в общении с подругами и воспитательницами «домашних» отношений с родными. В более старшем возрасте, приспособившись уже к порядкам и нравам закрытых сообществ, они, напротив, как бы начинали ощущать свою причастность к некоему особому «институтскому миру»¹⁰³ (термин мемуаристки А.Н. Энгельгардт), отличному от того, который располагался за пределами учебного заведения. По словам А.Н. Энгельгардт, «институтки начинали считать институт центральным пунктом вселенной и с забавной важностью говорили, наподобие *курочки* и *кота* в сказке Андерсена “Гадкий утенок”: мы, то есть институт, а потом и весь свет!»¹⁰⁴. В каком-то смысле, это был даже привилегированный мир, поскольку он был связан с известной «близостью» к императорскому двору. Институт за годы пребывания в нем дворянских девушек становился в их представлениях как бы «домом», а подруги и воспитательницы – «семьей», разлучиться с которыми им было также

¹⁰² Водовозова Е.Н. Указ. соч. С. 226–227.

¹⁰³ Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 214.

¹⁰⁴ Там же. С. 210. Сравн.: Сенковский О.И. Вся женская жизнь в нескольких часах // Сенковский О.И. Сочинения Барона Брамбеуса. М., 1989. С. 286.

психологически трудно, как в своё время привыкнуть к ним¹⁰⁵. Действительность за пределами института мыслилась ими как полная противоположность институтской повседневности¹⁰⁶.

По мнению Е.Н. Водовозовой, «русское общество того времени предъявляло девушке лишь эстетические требования. Наклонную к серьёзному чтению и разговору называли “синим чулком” и жестоко высмеивали»¹⁰⁷. Внушавшиеся с детских лет стандарты «женственности» соответствовали символической женской «роли», внедрялись в сознание воспитанниц посредством усвоения представлений об атрибутах социально-полового порядка. Конечный продукт институтского образования – формирование обладающих светскими манерами потенциальных жен, матерей, домашних хозяек, достигающих успеха «в приобретении знаний, наук и рукоделий соответствующих ей полу с касающимися до нужного домоводства упражнениями»¹⁰⁸.

Воспитанниц, даже самых маленьких, не позиционировали как детей; неслучайно их называли не девочками, а «девицами». Вводившиеся градации по классам, цвету форменной одежды, способностям и прилежанию призваны были заменить возрастные особенности и атрибуты детства, завуалировать, прежде всего в глазах самих институток, их причастность к своеобразному «детскому миру». Тем не менее «мир института», подменяя собой в известном смысле «мир детства», не мог компенсировать преимуществ домашней детской повседневности. Семейные «вольности», главной из которых было отсутствие жесткого распорядка дня «по звонку»¹⁰⁹, замещались предписаниями и ограничениями принудительной социализации, оставлявшей ощутимые негативные переживания и оценки у бывших институток. Институтское детство представляло собой своего рода переходную форму между собственно детством и девичеством, в которое девочки-институтки вынужденно психологически вступали раньше своих сверстниц, воспитывавшихся дома и сохранявших дольше, несмотря на существовавшие запреты, возможность более или менее непринужденно играть, шалить и резвиться. В то же время институтское детство, как и домашнее, часто идеализировалось¹¹⁰ в женской автодокументальной традиции, невзирая на вполне критическое его осмысление, что также может истолковываться как стратегия эмоциональной компенсации негативных переживаний прошлого.

¹⁰⁵ Стерлигова А.В. Указ. соч. С. 122–123. Сравн.: Погорельский А. Монастырка // Погорельский А. Избранное / сост., вступ. ст. и примеч. М.А. Турьян. М., 1985. С. 188.

¹⁰⁶ Водовозова Е.Н. Указ. соч. С. 311–312.

¹⁰⁷ Там же. С. 308–309.

¹⁰⁸ ГАТО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

¹⁰⁹ Водовозова Е.Н. Указ. соч. С. 310.

¹¹⁰ Ржевская Г.И. Указ. соч. С. 36, 38; Стерлигова А.В. Указ. соч. С. 69.

Список литературы:

1. Бенедикт Р. Хризантема и меч: модели японской культуры / пер. с англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 256 с.
2. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство – СПб, 1994. – 399 с., 5 л. ил.
3. Озерская Ф.С. Женское образование // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: XVIII – первая половина XIX в. / отв. ред. М.Ф. Шабаева. М.: «Педагогика», 1973. Раздел 3. Гл. XIV. С. 255–269.
4. Tulard J., Fayard J.-F., Fierro A. Histoire et dictionnaire de la Revolution francaise 1789–1799. Editions R. Laffont, S.A., Paris, 1987. 1214 p. (Bouquins collection dirigee par Guy Schoeller).

Об авторе:

БЕЛОВА Анна Валерьевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории, Тверской государственной университет (Россия, 170100, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31), e-mail: Belova.AV@tversu.ru

Women's Memory of the Everiday Life of Provincial Noble Women in tge Capital's Institutionas (1764–1850s)

Anna V. Belova

Tver State University, Tver, Russia

This article examines women's memory of everyday life in noble institutions from the second half of the 18th to the mid-19th centuries, within the context of the anthropology of closed communities and the anthropology of memory. The focus is on the relationship between forced submission to the directed formation of normative “femininity” and the subsequent understanding of childhood emotional experiences. The article examines the issues of personal leveling and the ignoring of individual needs in self-representations of noblewomen's everyday life in women's family memory. The author explores the potential for an ethnological study of memories and narratives of the everyday life of childhood in closed class institutions as spaces of forced social discipline and closed gender communities.

Keywords: *anthropology of closed communities, anthropology of memory, women's family memory, women's autobiographical memory, women's history, noblewomen, female institute girls, women's everyday life.*

About the author:

BELOVA Anna Valeryevna – Doctor habilitatus in History, Professor, Head of the Department of General History, Tver State University (Russia, 170100, Tver, Trekhsvyatskaya St., 16/31), e-mail: Belova.AV@tversu.ru

References:

- Benedikt R., *Hrizantema i mech: modeli yaponskoj kul'tury*, per. s angl. Moscow: «Rossijskaya politicheskaya enciklopediya» (ROSSPEN), 2004. – 256 s. (Seriya «Kniga sveta»).
- Lotman Yu.M., *Besedy o russkoj kul'ture: byt i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)*, Saint Petersburg, Iskusstvo – SPB, 1994. – 399 s., 5 l. il.
- Ozerskaya F.S., *Zhenskoe obrazovanie*, Ocherki istorii shkoly i pedagogicheskoy mysli narodov SSSR: XVIII – pervaya polovina XIX v., otv. red. M.F. Sha-baeva. Moscow, «Pedagogika», 1973. Razdel 3. Gl. XIV. S. 255–269.

Статья поступила в редакцию 04.06.2026 г.

Подписана в печать 11.09.2026 г.